

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Две пули
ПОЛКОВНИКУ

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Леонов, Николай Иванович.

Л47 Две пули полковнику / Николай Леонов, Алексей
Макеев. — Москва : Эксмо, 2018. — 416 с. — (Русский
бестселлер. Избранное).

ISBN 978-5-04-092337-3

Дело о заурядном шантаже с использованием порноснимков не стоило бы внимания полковника МУРа Льва Гурова, если бы оно неожиданно не обросло рядом на первый взгляд немотивированных убийств. Визит на квартиру незадачливого шантажиста обернулся схваткой с тремя неизвестными, в результате которой Гуров едва не получил пулю. Чьи же интересы задел своей порностряпней вымогатель, если Гурову пришлось проводить операцию с участием ОМОНа, чтобы выяснить это?

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-092337-3

© Макеев А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

***Две пули
ПОЛКОВНИКУ***

ПОВЕСТЬ

Глава 1

Было чертовски трудно пошевелить даже кончиком пальца, и глаза никак не хотели разлипаться, а в голове стоял такой гул, будто прямо через нее пустили новую линию метрополитена. Все вместе это наводило на мысль о скорой и неминуемой смерти.

Превозмогая боль и отчаяние, Ложкин опустил руку с дивана и наугад пошарил вокруг — то ли надеясь на ответное рукопожатие, то ли просто пытаясь определить границы своих возможностей. Пальцы его наткнулись на что-то выпуклое и гладкое, покачнувшееся от прикосновения. Коротко стукнуло об пол бутылочное доньшко. Ложкин застонал и поймал бутылку.

Она была липкой на ощупь и чуть прохладной. По-прежнему не открывая глаз, он приник к горлышку и сделал глоток, но тут же задохнулся, закашлялся, рывком сел и открыл глаза. Однако бутылки из рук не выпустил.

Через несколько мгновений он мог уже нормально ориентироваться, хотя легче от этого не стало. Зато теперь Ложкин знал, что находится в своей студии на Сущевском Валу, что ночевал он на продавленном диване — в одиночестве, что в окне едва брезжит рассвет, а помещение загажено следами вчерашней пьянки — повсюду окурки, пепел, стаканы и пивные банки. Погуляли вчера на славу.

— Эх, Ложкин, не умрешь ты своей смертью! — хрипло сказал он себе чуть заплетающимся языком и решительно допил то, что оставалось в бутылке.

К нему постепенно вернулась способность рассуждать, и детали вчерашнего вечера понемногу всплывали в памяти, но чувствовал себя Ложкин по-прежнему скверно.

— Ну и козел ты, Ложкин! — сказал он искренне, когда вспомнил все детали. — Полный придурок. Однажды ты допрыгаешься. Или уже... Мать твою! До чего же башка трещит!..

Он всегда обращался к себе в третьем лице и по фамилии — такая была у него привычка, особенно во время «разбора полетов», как он это называл. Сегодня он имел полное право высказаться по адресу Ложкина особенно нелицеприятно и резко. Праведником Ложкин никогда себя не считал, и вряд ли бы нашелся хотя бы один человек на земле, который мог бы заподозрить в нем праведника, но, по его мнению, существовали некие жизненные законы, которые нарушать не стоило — хотя бы потому, что так выходило себе дороже. Однако по слабости характера его вечно втягивали в самые странные махинации. И так поступали с ним те, кого он считал лучшими друзьями. Ложкин сто раз на этом обжигался, но ничего не мог с собой поделать. Вот и вчера он, похоже, свалял большого дурака.

Сначала не было ничего особенного. Блонди привел девчонок. Сделали пробные съемки. Девчонки были новые, совсем зеленые, пыжились перед камерой, принимали картинные позы — ничего живого, только время потеряли. «Обтешутся!» — утешил Блонди и предложил выпить. В его огромном бауле, который он вечно таскал с собой, оказалось две бутылки «Мартеля». Ложкину пить не хотелось, но его так расстроили девчонки, что он согласился. Кстати, в процессе более близкого знакомства они уже не показались Ложкину такими безнадежными. Особенно та, черненькая...

Часам к одиннадцати Блонди деликатно отвалил, оставив Ложкина наедине с этой крошкой. Но тут позвонил зараза Чеков, и все накрылось медным тазом. Девчонку пришлось быстренько спровадить, а Чеков

приперся с водкой и коньяком, и тут уж они нажрались по полной программе — с Чековым иначе не получается.

Но оттого, что они так весело погудели, положение не становилось менее серьезным. Ложкин знал Чекова с детства — тот никогда не отказывался от своих бешеных проектов до тех пор, пока его хорошенько не щелкали по носу. Тогда он все бросал и вскоре затевал что-нибудь новенькое — еще хлеще.

Ложкин помнил, как тот поочередно загорался то одной, то другой идеей — то намеревался сколотить бригаду, чтобы гонять через границу иномарки, то крутился с футбольными букмекерами, то пробовал торговать антиквариатом, то связывался с какой-то сектой, проповедовавшей непонятную «альтернативную религию», то организовывал грандиозный рок-концерт. Все эти начинания должны были принести Чекову неслыханные барыши. Но все кончалось плачевно, потому что он без стеснения набирал под свои проекты дикие кредиты, а когда проекты проваливались, оказывался по уши в долгах. Отдавать их ему было нечем, и Ложкин давно смирился с мыслью, что однажды его друга непременно убьют. Но, как ни странно, Чеков пока выкручивался. Никто не понимал, как это ему удавалось, но с основными долгами он расплачивался и снова уверенно смотрел в будущее. Часть суммы он опять перезанимал, но, разумеется, не все. Ложкин подозревал, что припертый к стене Чеков вполне был способен пойти на что угодно, даже на преступление. Впрочем, вслух своих догадок он не высказывал, а Чеков ни в чем таком никогда не признавался — разве что изредка, по пьянке, в его словах проскальзывал какой-то полунамек, но не более.

Ложкин и сам был не ангел, потому и не осуждал. Официально он был фотографом и оператором, но в своем кругу предпочитал называть себя «мастером эротического фото». Правда, то, что он снимал, большей частью вполне могло сойти за порнографию, но Ложкин не видел в этом большой беды. Все делалось добровольно и за хорошие деньги. И вообще это был

не его бизнес — он просто выполнял заказы заинтересованных людей. Одного интересует одно, другого — другое, он тут ни при чем, не он решает, что должно нравиться людям. Другое дело, что можно нарваться на неприятности. Но денег без риска не бывает. Конечно, это не тот риск, которому постоянно подвергает себя Чеков. Тот по сравнению с Ложкиным — настоящий экстремал. Поэтому у Ложкина никогда не было искушения привлечь друга к своей работе — береженого, как говорится, бог бережет. Чеков и без того возле него пассив — вот и две тысячи баксов до сих пор не вернул, хотя еще месяц назад клятвенно обещал расплатиться. Но теперь он влип в очередную историю, и у Ложкина не хватало духу потребовать свое, ведь Чеков находился в тяжелом положении.

Все началось в середине мая, когда Чекову вдруг пришло в голову открыть бизнес по захоронению домашних животных. Он посчитал, что общество уже созрело для такой услуги, примчался к Ложкину с горящими глазами и с ходу попросил две тысячи баксов займа, вывалив перед ним целый мешок аргументов. Скрепя сердце Ложкин деньги дал, заранее тоскуя о потере. Чеков развил бурную деятельность и общипал еще с пяток кредиторов. Не обошлось, конечно, без Костюкова, с которым Чеков какое-то время крутился. По слухам, Костюков держал в руках весь букмекерский бизнес в центре города, контролировал огромные деньги, но человеком был опасным, и шутить с ним не следовало. Если он давал займы, то непременно с процентами и возврата требовал точно в срок. Чеков сам говорил об этом.

Одним словом, набрав кредитов, Чеков закатил грандиозную пирушку, потом еще одну, потом у него что-то не срослось, и затея с «кладбищем домашних животных» лопнула как очередной мыльный пузырь. Как всегда бывало в таких случаях, Чеков притих, исхудал и принялся собирать деньги, чтобы расплатиться с долгами. Но везение наконец изменило ему. Наступил сезон отпусков,

многие уехали из Москвы, а оставшиеся ни в какую не хотели давать денег. На этот раз он влип серьезно.

Сколько был должен Чеков на этот раз, Ложкин точно не знал, но предполагал, что не меньше шестидесяти тысяч, потому что стержнем его новой идеи была именно такая сумма. Но самым ужасным был даже не размер долга, а тот метод, с помощью которого Чеков собирался разжиться деньгами. Когда Ложкин уяснил себе, в чем дело, ему стало не по себе. На этот раз его дружок собирался серьезно нарушить закон и к тому же со свойственной ему непосредственностью потребовал, чтобы Ложкин в этом участвовал.

Суть идеи была проста и цинична — а Чеков, похоже, считал ее еще и остроумной, — с помощью шантажа заставить раскошелиться нескольких мелких предпринимателей. Он намеревался предъявить им фотографии компрометирующего характера — с последующим выкупом. Остроумие же заключалось в том, что никаких фотографий у Чекова не было, и он собирался разжиться ими с помощью Ложкина.

— Пойми, чудила, — горячо убеждал он Ложкина, — все будет железно. Я же знаю, что делаю! Мы не будем трясти магнатов, у которых по сто человек охраны и лучшие адвокаты. Мы скромные люди. Мы возьмем коммерсантов попроще. Я уже наметил три кандидатуры. Вот, например, Шестопалов — у него магазинчик антиквариата около Тверской. И еще жутко ревнивая жена, на десять лет его моложе. Если она увидит фотки, на которых ее благоверный кувыркается с чужими телками, это будет хуже атомной войны. Она не станет разбираться, сфабрикованы снимки или нет. Она устроит ему такой ад в поднебесье, что мало не покажется. Уверен, что этот антиквар без звука выложит двадцать кусков. Для него это вообще не сумма.

Ложкин не был убежден, что на свете есть люди, которые без звука способны расстаться с двадцатью тысячами, а кроме того, его ужасно покорило, что Чеков, посвящая его в свои планы, постоянно употребляет ме-

стоименіе «мы». Ему совсем не хотелоcь ввязываться в это грязное дело. Но Чеков был настойчив, напирал на то, что друзья должны помогать друг другу, а вдобавок трагически сообщил, что, если не расплатится вовремя с долгами, ему не жить.

— Костюков совсем охренел, скотина, — неохотно признался он. — Разговаривает сквозь зубы, а про отсрочку и слышать не хочет. Вчера еще улыбался, коньяком угощал, а теперь морду воротит, как будто я к нему с улицы зашел и в карман залез. Если, говорит, через две недели должок не отдашь, то пеняй на себя. В Москве, говорит, каждый день несчастные случаи — то машиной кого-нибудь задавит, то шпана в подворотне башку проломит. Статистика, говорит. Одним больше, одним меньше...

Ссылка на статистику впечатлила Ложкина больше всего. При всех сомнениях ему вовсе не хотелоcь, чтобы Чекову где-нибудь вот так запросто проломили череп. При этой мысли Ложкин испытывал сильнейший внутренний дискомфорт. Он привык, что Чеков всегда рядом, и не мог представить себе жизнь без него. Без Чекова было бы скучно. Одним словом, он совсем немного поломался, а потом, как всегда, согласился.

Скомбинировать фотографии, на которых голые красотки сидят в обнимку с выбранными Чековым кандидатами, не составило для Ложкина особого труда. С помощью компьютера и объектива он мог творить и не такие чудеса. Возможно, профессиональные эксперты и разоблачили бы подделку, но, как сказал Чеков, этим лохам скоро будет не до экспертов. Мужиков фотографировал сам Чеков, тайком — ради этой цели он на пару дней выпросил у Ложкина цифровой фотоаппарат. Снимки получились не самые удачные, но лица разобрать было можно, а больше Ложкину ничего и не требовалось.

Он сделал то, что от него зависело, и постарался поскорее выбросить все из головы, полагая, что прочее его не касается. Подобную иллюзию подпитывало то,

что Чеков, получив фотографии, воспрял духом и на несколько дней исчез. У Ложкина появился выгодный заказ, не связанный с эротикой, и он с головой ушел в работу. На какое-то время Ложкин и в самом деле забыл про эпизод с фальшивками. Вообще-то на душе у него было не очень хорошо. Если бы кто-то поступил с ним таким же образом, пожалуй, он сильно бы обиделся, хотя святым себя не считал, да не было у него ни жены, ни даже постоянной женщины, которая бы могла его ревновать и предъявлять претензии. Но все равно сделаться героем порнографических фотографий ему совсем не хотелось бы.

Впрочем, ни одного из людей, выбранных Чековым для шантажа, Ложкин не знал, а потому переживал не слишком сильно. Пусть об этом болит голова у Чекова, решил он, ему-то что за дело? Друга он не осуждал, хотя и не одобрял. Просто, когда имеешь дело с таким человеком, как Костюков, трудно держаться в рамках. Тут или пан, или пропал. Другое дело, что если кто-то из этих мужиков плюнет на огласку и обратится в милицию, тогда Чеков может оказаться между двух огней.

Но Чеков убедил Ложкина, что знает всех троих как облупленных и уверен, что ни один из них в милицию не побежит. Кроме антиквара, в его списке был еще один его шапочный знакомый — Крапивин. Он имел какое-то отношение к импорту газа, и денюжки у него водились. Зато у него были жена-мегера и тесть, который и пристроил его на это теплое место. Оба не простили бы и намека на измену. Они стерли бы изменника в порошок — так утверждал Чеков. А еще был владелец небольшой аптеки в том же самом многоэтажном доме, где жил Чеков, — подбирая кандидатуры, он не слишком напрягался, брал то, что лежало на самом виду. Аптекарь приглянулся ему тем, что был абсолютным подкаблучником. Чеков часто видел его в окружении семьи — интеллигентной миловидной женщины и двух чистеньких девчонок-близнецов, которые различались только цветом бантов, вплетенных в их светлые воло-

сенки. Двадцать тысяч — вполне умеренная цена за тихое семейное счастье, заявил Чеков. Лекарства нынче приносят хороший доход.

Ложкин так до конца и не поверил, что у Чекова что-нибудь получится, но вот вчера тот снова заявился — слегка пьяный, чрезвычайно гордый и, вместе с тем, деловитый. У него были полны карманы денег, и коньяк он притащил настоящий, французский. Ложкин тоже был слегка на взводе, а потому настроен вполне благодушно, хотя с бóльшим удовольствием провел бы ночь в компании симпатичной девчонки. Однако вместо этого ему пришлось пить и выслушивать многословный хвастливый рассказ Чекова об успехе его предприятия.

— Можешь меня поздравить! — самодовольно заявил Чеков. — Все идет как по маслу! Клиенты начали колотиться. Двадцать штук как с куста! И это только начало.

— Как же тебе удалось? — вежливо удивился Ложкин, которому, по правде сказать, больше был интересен коньяк, а про шантаж слушать совсем не хотелось.

— Я же говорю, все прошло на раз! — уверенно сказал Чеков. — Я даже удивился, что так просто все получилось. Наверное, мне давно нужно было заняться этим бизнесом, — засмеялся он. — Но тут главное — не зарываться, конечно... Короче, я тут три дня назад обзвонил их всех. Намекнул, что нужно встретиться — наедине, естественно. Встречались поздно вечером, да я еще загримировался малость, так что, думаю, не могли они ничего заподозрить...

— А если бы они ментов с собой привели? — сочувственно спросил Ложкин. — Или не одни пришли?

— Ну, я же не лох, — авторитетно заявил Чеков. — Я от самого дома следил, один он пойдет на встречу или нет. По пятам шел. Когда убедился, что никто на хвост не прыгнул, тогда только в контакт вступал.

— Как это?

— Первая встреча была в парке Лефортово. Я его пас до входа — этого, у которого тесть при газовой трубе, — а потом, когда убедился, что все спокойно, перегово-

рил в темном уголке. Отдал ему одну фотку в конверте, осветил фонариком, объяснил условия... Видел бы ты, какая у него была рожа, когда он рассматривал твое произведение!

— Мне ни хрена не нравится, что ты все время об этом напоминаешь, — недовольно проворчал Ложкин. — Ты сказал, что будешь про меня помалкивать.

— Не бойсь! Это же между нами, — возразил Чеков. — Но, ты знаешь, кажется, он принял фотографию за настоящую! Перепугался до смерти. Наверное, у него и в самом деле по этой части не все чисто. Короче, мы договорились, куда он на следующий день принесет деньги, и он принес. Оставил на Введенском кладбище, в глухом углу, где я ему указал. Я все продумал до деталей!

— Значит, двадцать штук ты получил? — осторожно спросил Ложкин. — Так, может, сразу и вернешь мне мои две? Мне ведь тоже деньги нужны.

Чеков после этих слов помрачнел. Его энтузиазм как ветром сдуло.

— Понимаешь, — сказал он озабоченно, — пока ничего не могу тебе отдать. Костюков... — Он тяжело вздохнул. — Опять про должок напоминал, сука! А у меня, по правде сказать, с другими двумя пока непонятки получаются. Крапивин, видишь, сразу поплыл, а другие мажутся, падлы!

— Не хотят платить?

— Заплатят! — зловеще пообещал Чеков. — Только мне нужна твоя помощь.

— Это еще в каком смысле? — испугался Ложкин. — Я в эти дела встречать не буду! Хочешь обижайся, хочешь — нет, а тут я пас!

— Да тебе ничего не придется делать! — почти возмущенно сказал Чеков. — Организуешь пару звонков из автомата. Скажешь пару ласковых — я тебе объясню, что кому говорить, — и отвалишь. Больше мне от тебя ничего и не нужно. Просто кому я еще могу это доверить? Ты у меня один настоящий друг. Друзья должны выручать друг друга — разве не так?